

Призраки Лексингтона

Автор:

[Харуки Мураками](#)

Призраки Лексингтона (сборник)

Харуки Мураками

«Призраки Лексингтона» – один из самых известных сборников рассказов классика современной японской литературы Харуки Мураками. Автор популярных во всем мире романов «Охота на овец». «Дэнс, дэнс, дэнс» и «Хроники Заводной Птицы» предстает в нем как мастер короткой психологической прозы.

Рассказ «Тони Такитани» был перенесен на киноэкран режиссером Дзюном Итикавой с великим японским актером Иссеем Огатой в главной роли.

Харуки Мураками

Призраки Лексингтона

Призраки Лексингтона

Эта история – не вымысел. Она действительно произошла несколько лет назад. Я лишь изменил некоторые имена, а все остальное – чистая правда.

Как-то мне довелось провести два года в Кембридже, штат Массачусетс. Там я познакомился с одним архитектором – симпатичным мужчиной едва за пятьдесят. Невысокого роста, крепко сложенный, наполовину седой, любитель

плавания – он почти каждый день ходил в бассейн, иногда играл в теннис. Звали его... ну, скажем, Кейси. Родом из Бостона, не женат, жил в старой усадьбе в городке Лексингтон вместе с угрюмым и неисправимо молчаливым настройщиком пианино по имени Джереми. Тому было на вид лет тридцать пять – высокий и стройный, как ива, с небольшими залысинами. Он не только настраивал инструмент, но и прилично играл на нем.

В американских журналах напечатали переводы нескольких моих рассказов. Прочитав их, Кейси через редакцию одного прислал мне примерно такое письмо: «Меня очень заинтересовали Вы и Ваши рассказы. Не могли бы мы как-нибудь увидеться?» Обычно я не встречаюсь с людьми таким образом, поскольку на собственном опыте знаю – эти встречи не приносят ничего хорошего. Но на сей раз подумал: почему бы и нет? Интеллигентное письмо, по всему видно, что у автора есть чувство юмора. Жизнь за границей у меня достаточно беззаботная, дома наши – рядом... Но то лишь внешние причины. Главное, что меня привлекло в Кейси, – его великолепная коллекция старых джазовых пластинок. «Обыщите хоть всю Америку, вряд ли найдете более полное частное собрание. Я слышал, вы, господин Мураками, – большой любитель джаза. Может, моя подборка вызовет у Вас интерес», – писал он. Так и есть – прочитав письмо, я, естественно, захотел посмотреть его коллекцию: когда дело доходит до старых джазовых пластинок, я не могу устоять, точно кобра, что тянется к дудочке.

Усадьба Кейси располагалась в самом Лексингтоне. От Кембриджа – минут тридцать езды на машине. После моего звонка Кейси прислал по факсу подробную схему проезда. И вот одним апрельским днем я сел в зеленый «фольксваген» и отправился к нему домой. Я сразу же нашел огромный трехэтажный дом – построенный как минимум лет сто назад, он выделялся среди дорогих бостонских пригородов, как сама история. Хоть картину с него пиши.

Сад больше походил на рощу. С ветки на ветку, оживленно щебеча, перелетали сойки. На шоссе перед домом стоял новенький микроавтобус «БМВ». Когда я запарковал за ним машину, с коврика на крыльце поднялся огромный мастифф и гавкнул несколько раз – наполовину из чувства долга. Мол, сам я лаять не хочу, но так уж заведено.

Вышел Кейси, пожал мне руку – крепко, будто что-то проверяя. Другой рукой слегка похлопал меня по плечу. Как выяснилось позже, такая у него была привычка.

– Спасибо, что заглянули. Рад вас видеть, – сказал он. На нем была итальянская белая сорочка, застегнутая на все пуговицы, брюки из мягкого хлопка и светло-коричневый кашемировый кардиган. В маленьких очках от «Армани» он выглядел очень элегантно. Кейси провел меня в дом, усадил в гостиной на диван и принес свежесваренный кофе.

Кейси оказался человеком мягким, хорошо воспитанным и образованным. Рассказывал, как в молодости колесил по свету. Мы подружились, и я примерно раз в месяц заезжал к нему в гости. Великолепная коллекция пластинок меня тоже, конечно, манила. Здесь я мог сколько угодно слушать редчайшую музыку, какой больше не услышал бы нигде. Аудиотехника по сравнению с пластинками проигрывала, но все же старый ламповый усилитель выдавал теплый приятный звук.

Работал Кейси в библиотеке. Там у него стоял большой компьютер, на котором он чертил свои архитектурные проекты, но о работе своей Кейси почти не рассказывал. «Так, пустяки», – с улыбкой отшучивался он, как бы оправдываясь. Не знаю, что он там проектировал: я ни разу не видел его за работой. Сколько помню, всегда заставлял его в гостиной на диване – он читал книгу, изящно пил вино, слушал, как Джереми играет на пианино, или забавлялся с собакой. Мне кажется, работу он всерьез не воспринимал.

Его покойный отец был известным на всю страну психологом и за свою жизнь издал пять или шесть книг, в наши дни ставших почти классикой. Страстный поклонник джаза, он дружил с продюсером и основателем звукозаписывающей фирмы «Престижрекорде» Бобом Уайнстоком, [1 - Боб Уайнсток (р. 1929) – основатель фирмы звукозаписи «Престиж рекордз», дистрибьютор джазовых пластинок. – Здесь и далее примечания переводчика.] и благодаря этому его коллекция джаза 40-60-х годов была, как мне и написал Кейси, почти идеальна. И по количеству, и по качеству собранных пластинок. Почти все – оригинальные издания в прекрасном состоянии: ни царапинки на дисках, ни морщины на конвертах. Не диски, а чудо! Их, видимо, хранили и слушали так же аккуратно, как опускают в теплую воду грудных младенцев.

Кейси рос единственным ребенком; его мать умерла, когда он был маленьким. Отец на повторный брак не решился, а когда пятнадцать лет назад умер от рака поджелудочной железы, Кейси вместе с домом и прочим имуществом получил в наследство и коллекцию. Он очень любил и уважал отца, поэтому бережно

хранил ее и не выбросил ни одной пластинки. Джаз он слушал с удовольствием, но не был от него без ума, как отец. Из музыки предпочитал классическую и вместе с Джереми не пропускал ни одного концерта Бостонского симфонического оркестра под управлением дирижера Одзава.[2 - Сэйдзи Одзава (р. 1935) – всемирно известный дирижер, более тридцати лет возглавлявший Бостонский симфонический оркестр.]

Примерно через полгода после нашего знакомства Кейси попросил меня присмотреть за усадьбой. Ему потребовалось на неделю съездить по работе в Лондон – случилось такое редко. Обычно во время отлучек Кейси за усадьбой присматривал Джереми, но сейчас тот не мог: несколькими днями раньше уехал в Западную Вирджинию навестить внезапно заболевшую мать. И Кейси позвонил мне.

– Извините, но никто, кроме вас, в голову не пришел, – сказал он. – Всего-то присмотра – кормить два раза в день Майлза (так звали собаку). А в остальном, можете сколько угодно слушать музыку. Спиртного и продуктов в доме навалом. Так что не стесняйтесь!

Неплохое предложение. Хотя бы потому, что в мою жизнь – в то время по некоторым обстоятельствам одинокую – изо дня в день вторгался надоедливый шум: по соседству перестраивали дом.

Я лишь прихватил смену белья, макинтошевский ноутбук и несколько книг и в пятницу после обеда отправился в дом Кейси. Тот уже закончил с багажом и собирался вызывать такси.

Я пожелал ему приятной поездки.

– Да, конечно, – ответил он, улыбаясь. – А вы наслаждайтесь домом и пластинками. Дом неплохой.

Кейси уехал. Я отправился на кухню, сварил и выпил кофе. Затем разместился в соседней с гостиной комнате: подключил компьютер и, слушая пластинки, около часа поработал, как бы примеряясь, что удастся сделать за предстоящую

неделю.

Массивный стол, за которым я сидел, – красного дерева, с выдвижными ящиками, – был настоящим антиквариатом. Вообще-то, относительно не старой вещью в комнате можно было считать разве что мой «мак». Остальные предметы, судя по всему, стояли там же, где и в незапамятные времена. Наверное, Кейси после смерти отца в этой музыкальной комнате ни к чему не прикасался, словно здесь был храм или святилище. Дом выглядел заводью в стремительном потоке времени: и стрелки часов в этой комнате, казалось, давно замерли на месте. За ней, тем не менее, следили: на полках – ни пылинки, стол тщательно отполирован.

Пришел Майлз и развалился у моих ног. Я погладил его по голове. Майлз – грустный пес. Он не может долго оставаться один. Лишь спит на своей подстилке в кухне, а остальное время проводит с людьми, как бы невзначай навалившись всем телом на чью-нибудь ногу.

Из гостиной в музыкальную комнату вел высокий проем без двери. В гостиной – большой кирпичный камин, удобный кожаный диван, четыре кресла, все разной формы, и три кофейных столика. На полу – когда-то дорогой, но со временем безвозвратно выцветший персидский ковер, с высокого потолка свисает старинная люстра. Я вошел в комнату, сел на диван и осмотрелся. Каминные часы отсчитывали время, будто кто-то постукивал по стеклу костяшками пальцев.

На высоких книжных полках стояли книги по искусству и архитектуре. По трем стенам развешаны большие и маленькие пейзажи некоего взморья. Впечатление примерно одинаково – на них ни одного человека, лишь унылое морское побережье. Кажется, если приблизить к картине ухо, донесется шум свежего ветра и рев прибоя. От картин – далеко не шедевров – веяло новоанглийской умеренностью и какой-то холодностью в духе старого Моне.[3 - Клод Моне (1840–1926) – французский художник-импрессионист.]

В одну из стен просторной музыкальной комнаты были вмонтированы стеллажи, на которых в алфавитном порядке выстроились старые пластинки. Сколько их, не знал даже Кейси. Лишь мог предположить: «Тысяч шесть или семь, где-то так. Но еще примерно столько же упаковано в картонные ящики по углам чердака. Глядишь, усадьба вскоре просядет под тяжестью пластинок, как дом Эшеров».

Время тихо и уютно окутывало пространство, пока я работал за столом, поставив на проигрыватель старый миньон Ли Коница.[4 - Ли Кониц (р. 1927) - американский джазовый альт-саксофонист стиля «кул».] Ощущение было такое, будто я погрузился в футляр, идеально подходящий мне по размеру. Чувствовалась какая-то неторопливо и ладно справленная близость. Музыка мягко проникала во все уголки комнаты, в трещинки стен, в складки штор.

В тот вечер я открыл припасенную Кейси бутылку красного «монтепульчано». Выпив несколько бокалов, я устроился на диване и принялся за купленную накануне книгу. Кейси знал, что рекомендовать: хорошее вино. Я достал из холодильника сыр «бри» и съел четверть с печеньем. Вокруг царила полнейшая тишина, лишь на камине тикали часы, да мимо дома изредка шуршали машины. Дорога заканчивалась тупиком, поэтому ездили по ней только местные жители, а с наступлением темноты окрестности погружались в гробовую тишину. Перебравшись сюда из шумного студенческого Кембриджа, я чувствовал себя, как на морском дне.

В двенадцатом часу мне, по обыкновению, захотелось спать. Отложив книгу, я поставил хрустальный бокал в мойку и пожелал Майлзу спокойной ночи. Собака безропотно свернулась калачиком на подстилке из старого одеяла и, тихонько поскулив, моргнула. Я потушил свет и поднялся на второй этаж в гостевую спальню. Там переоделся в пижаму, забрался в постель и почти сразу же уснул.

Открыв глаза, я ощутил себя в прострации. Где я? Онемел, как жухлый овощ, забытый на дальней полке буфета, ссохшийся и жалкий. Наконец я вспомнил, что присматриваю за домом Кейси. Точно. Я ведь в Лексингтоне. Я нащупал наручные часы у подушки и нажал подсветку. Четверть второго.

Медленно опустившись на кровать, я включил маленькое бра в изголовье. Но не сразу - некоторое время ушло на поиск выключателя. Из-под лилейной чашечки отшлифованного стекла полился желтый свет. Я с силой потер ладонями лицо, глубоко вдохнул и окинул взглядом посветлевшую комнату. Проверил стены, взглянул на ковер, поднял голову к потолку. Как собирают рассыпанный по полу горох, собрал воедино сознание, словно заставляя тело привыкнуть к окружающей действительности. А вскоре обратил внимание на... звук. Как шум морского прибоя, этот звук вытянул меня из глубокого сна.

Там кто-то есть!

Я затаил дыхание и как можно тише пробрался к двери. В ушах отдавались глухие удары сердца. Однозначно – в этом доме есть еще какие-то люди. Причем не один человек и не два. Едва доносились звуки, похожие на музыку. Я ничего не понимал; подмышки повлажнели от холодного пота. Что здесь произошло, пока я спал?

Первым в голову пришло: это хорошо спланированная шутка. Кейси сделал вид, что едет в Лондон, а сам остался и, чтобы удивить меня, незаметно устроил ночную пирушку. Но... нет, Кейси не из тех, кто способен на такие дешевые трюки. У него куда более тонкий и легкий юмор.

Или же – продолжал размышлять я, опираясь на стену, – там незнакомые мне друзья Кейси. Знали, что Кейси уезжает, но понятия не имели, что в доме остался я, и между делом завалились к нему. В любом случае, на воров не похоже. Грабители проникают в чужие дома незаметно и, по крайней мере, не слушают музыку на полной громкости.

Первым делом я снял пижаму, натянул джинсы, обул теннисные туфли, надел поверх майки свитер. Хотелось на всякий случай взять в руки что-нибудь потяжелее. Но, окинув взглядом комнату, ничего подходящего я не увидел. Ни бейсбольной биты, ни какой-нибудь кочерги. Лишь кровать и шкаф, на стене – маленькая книжная полка и пейзаж в рамке.

В коридоре звуки слышались отчетливой. Снизу доносились и, как пар, рассеивались по коридору аккорды старой веселой мелодии. Знакомая песня – мне доводилось слышать ее раньше, но названия вспомнить я не мог.

Голоса тоже слышались. Говор множества людей смешивался в единый гул, поэтому разобрать, о чем говорят, было невозможно. Иногда раздавался смех, приятный и озорной. Судя по всему, там вовсю шла вечеринка. Причем давно. Как украшения, переливчато звенели бокалы с шампанским или вином. Кто-то танцевал, половицы ритмично поскрипывали в такт шагам.

Я беззвучно прокрался по темному коридору вышел на верхнюю площадку лестницы и, перегнувшись через перила, посмотрел вниз. Свет из высокого окна холодно и бледно освещал внушительных размеров холл. Ни единой людской

тени. Обе створки двери в гостиную плотно закрыты. Я прекрасно помнил, как открывал их перед сном. Вне всяких сомнений. Значит, кто-то их закрыл после того, как я поднялся на второй этаж и уснул.

Как поступить? Можно не делать ничего и спрятаться в спальне на втором этаже. Закрыть дверь изнутри на ключ, нырнуть в постель... С точки зрения здравого смысла – самый подходящий план. Однако пока я стоял на лестнице и слушал смех и приятную музыку из-за дверей, первый шок постепенно прошел, как успокаиваются волны на поверхности пруда. Судя по атмосфере, эти ребята, должно быть, нормальные люди, – предположил я.

Я глубоко вдохнул и стал спускаться по лестнице в холл, тихонько ступая по старым ступеням. Добравшись до холла, повернул налево и оказался в кухне. Зажег свет, достал из стола увесистый нож для разделки мяса. Кейси любил готовить и пользовался дорогим комплектом немецких ножей. Все остро наточенные лезвия из нержавеющей стали сверкали обворожительно и реалистично.

Однако я представил, как захожу с большим ножом в комнату, где проходит шумная вечеринка, и понял, насколько по-идиотски буду при этом выглядеть. Я налил себе из-под крана стакан воды и выпил, а затем вернул нож на прежнее место.

Интересно, что делает собака?

И тут я впервые обратил внимание, что собаки нигде не видно. На привычном месте ее не оказалось. Куда же она делась? Если кто-нибудь забрался в дом под покровом ночи, могла бы, на худой конец, и гавкнуть. Я наклонился и пошарил по впадинам одеяла, усеянного шерстью. Тепла от собачьего тела не чувствовалось: Майлз давно покинул свою подстилку

Я вернулся из кухни в холл и сел на маленькую скамейку. Музыка не унималась. Слышались разговоры: как волны, то громче, то тигле, но не прерываясь ни на минуту. Интересно, сколько там народу? Человек пятнадцать, не меньше. А может, и за двадцать. Раз так, то даже в просторной гостиной им должно быть тесно.

Какое-то время я раздумывал, стоит или нет мне открывать дверь и входить в комнату. Выбор совсем непростой и даже странный. Я присматриваю за этим домом, а значит, отвечаю за то, что в нем происходит. Но на вечеринку же меня никто не приглашал.

Я прижался ухом к дверной щели, чтобы хоть что-нибудь расслышать, но это не помогло. Обрывки разговоров сливались в одно целое, и я не смог уловить ни единого слова. Понятно, что это фразы, диалоги, но, сливаясь в смутную какофонию, они вставали за дверью непреодолимым барьером. Похоже, нет мне там места.

Я сунул руку в карман и вынул двадцатипятицентовую монету. Без какого-либо умысла покрутил ее – серебристый кругляш вернул мне ощущение объективной реальности.

Тут будто мягкой киянкой мне ударило по голове:

– Это же призраки!

В гостиной собрались, слушают музыку и балагурят нереальные люди.

По спине побежали мурашки, на лбу выступил холодный пот. В голове все смешалось. От скачка давления зазвенело в ушах, как если бы сдвинулось по фазе все окружающее пространство. Я хотел было проглотить слюну, но в горле пересохло. Тогда я снова положил монету в карман и осмотрелся. Сердце глухо стучало.

Странно, почему я до сих пор не обратил на это внимание. Если подумать – кому еще может прийти в голову устраивать вечеринку в столь поздний час. Если бы столько людей, запарковав поблизости машины, вошло в дом, я бы по-любому проснулся. И собака бы наверняка залаяла. Значит, ни откуда они не приходили.

Эх, окажись Майлз сейчас рядом... Как мне хотелось обхватить огромного пса за шею, вдохнуть его запах, почувствовать кожей его тепло. Но собаки нигде не было. Я, как заколдованный, снова уселся на скамейку в холле. Разумеется, мне было страшно. Но имелось там и нечто превыше страха – глубокое и бескрайнее.

Вдохнув и выдохнув несколько раз, я наполнил легкие воздухом. К телу постепенно вернулись привычные ощущения, будто кто-то в глубине моего сознания тихонько перевернул несколько карт.

Затем я поднялся, бесшумно – так же, как по пути вниз, – вернулся в комнату и нырнул в постель. Разговоры и музыка не стихали еще долго. Сон пропал, и я почти до рассвета был вынужден с этим мириться. Не выключая свет, я опирался на тумбочку и, разглядывая потолок, прислушивался к отзвукам, казалось, нескончаемой вечеринки. Но, в конце концов, уснул.

Когда я открыл глаза, на улице шел дождь. Тихая и мелкая весенняя морось, единственная цель которой – слегка смочить землю. Под карнизом щебетали сойки. Стрелки часов подбирались к девяти. Я, как был в пижаме, спустился вниз. Дверь из холла открыта, как я оставил ее вчера перед сном. В гостиной – никакого беспорядка. Моя книга лежит перевернутой на диване. На кофейном столике – крошки печенья. Это как раз нормально, а от вечеринки – ни единого следа.

На кухне, свернувшись калачиком, крепко спал Майлз. Я разбудил пса и дал ему поесть. Тот уплетал, потряхивая ушами, будто ничего, абсолютно ничего не произошло.

Странная ночная вечеринка в гостиной Кейси больше не повторялась. Как не происходило с тех пор вообще ничего странного. Лишь сменяли друг друга ничем не приметные ночи в тихом Лексингтоне. Но в том доме я почему-то просыпался почти каждую ночь. И всегда – между часом и двумя. Может, просто не мог расслабиться в чужой обстановке. А может, надеялся еще раз дождаться той странной вечеринки.

Просыпаясь по ночам, я, затаив дыхание, вслушивался в темноту, но ничего больше не слышал. Только изредка в саду от порывов ветра шелестели листья. Тогда я спускался на кухню попить воды. Майлз всегда спал в кухне на своей подстилке, но стоило мне появиться, радостно подскакивал, вилял хвостом и прижимался головой к моим ногам.

Прихватив собаку, я шел в гостиную, включал свет и осторожно осматривал комнату. Никаких признаков не ощущалось. Диван и кофейные столики неподвижно стояли на обычных местах. На стенах, как и всегда, висели холодные пейзажи Новой Англии. Я сел на диван и просто так минут десять – пятнадцать сидел, убивая время. Закрывал глаза и собирал в пучок сознание, надеясь отыскать хоть какую-нибудь зацепку. Меня окружала лишь тихая глубокая ночь пригорода. Если открыть окно на клумбу, по комнате разнесется запах весенних цветов, слегка колышутся от ветра шторы, где-то в глубине роши ухает филин.

Когда Кейси через неделю вернулся из Лондона, я решил не рассказывать ему о событиях первой ночи. Почему – я и сам не знаю. Просто казалось, что ему лучше об этом не говорить.

– Ну как, ничего не случилось за мое отсутствие? – спросил Кейси прямо с порога.

– Да нет, ничего особенного! Все было тихо. Работа продвинулась! – И это была правда.

– Вот и хорошо! Это самое главное, – весело сказал Кейси. Вынул из сумки и подарил мне бутылку дорогого шотландского виски. На прощанье мы пожали друг другу руки. Я сел в свой «фольксваген» и вернулся на кембриджскую квартиру.

Следующие полгода мы не встречались ни разу. Кейси иногда звонил, и мы разговаривали по телефону. Мать Джереми умерла, и угрюмый настройщик пианино так и остался в своей Западной Вирджинии. Я заканчивал большой роман и, за редкими исключениями, никуда не ездил и ни с кем не встречался. Проводя по двенадцать часов за работой, я не отлучался от дома более чем на километр. Последний раз я виделся с Кейси в кафетерии рядом с прокатом лодок на реке Чарлз. Мы неожиданно столкнулись с ним на прогулке и вместе выпили по чашечке кофе. Не знаю почему, но Кейси на удивление сильно постарел. Настолько, что я его едва признал. Лет на десять. На уши свисали совершенно седые волосы, под глазами – темные мешки, на руках прибавилось морщин. Раньше Кейси до мелочей следил за своей внешностью. Может, заболел? Но он об этом не заговаривал, а я ни о чем не расспрашивал.

– Джереми больше не вернется в Лексингтон, – слегка покачивая головой, уныло сказал Кейси. – Иногда звонит мне из Западной Вирджинии. Разговариваем, и я чувствую, что он после смерти матери совершенно изменился. Это уже не прежний Джереми. Говорит только о звездах. Как позвонит, так сплошные никчемные разговоры о созвездиях: как они сегодня выстроились, что лучше всего делать, что нельзя, ну, и так далее в том же духе. Пока он жил здесь, я ничего подобного от него не слышал.

– I'm really sorry,[5 - Мне очень жаль (англ.).] – сказал я. Но к кому относилась эта фраза, я и сам не знал.

– Мать умерла, когда мне было десять лет, – тихо начал Кейси, в упор разглядывая кофейную чашку. – Братьев и сестер у меня нет, поэтому после смерти матери мы с отцом остались вдвоем. В самом начале осени на яхте случилась беда, и матери не стало. Мы совершенно не были готовы к ее смерти. Еще бы – молодая красивая женщина. Моложе отца на десять с лишним лет. Мы и представить себе не могли, что наша мама когда-нибудь умрет. И вот в один злосчастный день ее вдруг не стало. Улетучилась, словно дым. Мать была красивой и умной, все ее уважали. Любила прогулки, и походка у нее была красивая. Помню, выпрямит спину, подбородок немного вперед, руки за спиной – и так весело идет. На ходу поет песни. Мне нравилось гулять с ней. Ее фигура так и стоит перед глазами – как она шагает под ярким утренним солнышком по дороге вдоль ньюпортского побережья. Ветерок рукава раздувает, а летнее платье у нее было длинное, хлопковое, с узором из мелких цветов. Так и стоит перед глазами – будто фотография.

Отец боготворил мать и просто носил ее на руках. Наверное, любил ее сильнее, чем меня – своего сына. Отец был такой человек: любил все, что добывал собственными руками. Я же был для него просто результатом естественного хода вещей. Конечно, он любил меня, еще бы – единственный сын, как-никак. Но не так сильно, как мать. И я это понимал. Отец никого больше так не любил, как маму. Поэтому после ее смерти второй раз уже не женился.

Три недели после похорон отец непрерывно спал. Я не преувеличиваю. Он буквально проспал все это время. Иногда, как бы вспомнив, вставал, пошатываясь, с постели и молча пил воду. Что-нибудь съедал. Как лунатик или призрак. А потом натягивал на себя одеяло и засыпал снова. Плотно задвинув ставни, как заколдованная принцесса, все спал и спал в темной комнате с застоявшимся воздухом. И не шевелился. Почти не ворочался во сне, лицо у него

не менялось. Я даже начал беспокоиться: часто подходил проверить, не умер ли. Склонялся над изголовьем и всматривался, словно впивался в его лицо.

Но он не умер. Просто спал, как зарытый глубоко в землю камень. Скорее всего, даже не видел снов. Только размеренное сопение едва слышалось в тихой темной комнате. Мне ни разу до тех пор не приходилось видеть такого долгого и глубокого сна. Отец походил на человека, переселившегося в иной мир. Помню, мне было очень страшно. Казалось, я одинок в просторной усадьбе и отвергнут всем миром.

Когда пятнадцать лет назад отец умер, я, конечно, горевал, но, признаться, его смерть меня не шокировала. Мертвым он походил на себя спящего. Я даже подумал: «Как тогда!» Такое дежа вю – настолько мощное, что я испугался, выдержу ли. Я видел перед собой прошлое почти тридцатилетней давности. Только не было слышно храпа.

Я любил своего отца. Никого в жизни больше так не любил. Уважал его, более того – чувствовал какое-то духовное родство. Странно: после его смерти я тоже забрался в постель и заснул как убитый. Будто перенял особый семейный обряд.

Кажется, так длилось две недели. И все это время я спал, и спал, и спал... спал до тех пор, пока не протухнет, не растает и не пропадет время. Я мог спать бесконечно. Но сколько бы ни спал, я не высыпался. Мир сна тогда казался мне настоящим, а реальный мир – пустым и примитивным. Лишенным красок, поверхностным. Мне даже казалось, что в нем больше незачем жить. Наконец-то я смог понять, что, должно быть, чувствовал отец после смерти матери. Понимаете, о чем я? В общем, некоторые вещи иногда принимают иную форму. По тому что не могут ее не принять.

Кейси замолк и о чем-то задумался. Конец осени. Об асфальт изредка постукивали падающие желуди.

– Могу сказать только одно, – подняв голову, едва улыбнулся своей мягкой стильной улыбкой Кейси, – умри я сейчас вот здесь, никто в мире не уснет из-за меня так крепко.

Иногда я вспоминаю призраков Лексингтона. Призраков, устроивших посреди ночи в усадьбе Кейси шумную вечеринку. Вспоминаю одинокого Кейси и его отца – они, кандидаты в покойники, плотно закрыв ставни, спят мертвым сном в спальне на втором этаже. Привязанного к людям пса Майлза и прекрасную коллекцию пластинок, от которой захватывает дух. Шуберта в исполнении Джереми и синий «БМВ» у входа. Но случилось все это, кажется мне, кошмарно давно в кошмарно далеком месте. Хотя в действительности произошло совсем недавно.

Я никому до сих пор не рассказывал эту историю. Если подумать, история, должно быть, очень странная, но странной она мне совсем не кажется из-за своей древности.

1996 г.

Зеленый зверь

Муж, как обычно, ушел на работу, и я осталась дома одна. Заняться было нечем. Я присела у окна и сквозь щель между шторами стала смотреть на сад – смотреть бесцельно, в надежде на случайную мысль о подходящем занятии. Взгляд остановился на моем давнем любимце и воспитаннике – вечнозеленом дубе. Росли мы вместе. Я часто разговаривала с ним, как с другом.

Вот и в тот раз я мысленно беседовала с дубом. О чем – сейчас не вспомню. Даже не знаю, как долго это длилось: если смотришь на сад, время течет, точно вода на стремнине. За окном совершенно стемнело. Н-да, засиделась... Очнулась я от глухого рокота. Сотрясалась земля. Сначала показалось, что рокочет у меня внутри. Будто слуховая галлюцинация. Я затаила дыхание и насторожилась от мрачного предчувствия. Рокот медленно, но верно нарастал. Даже не знаю, на что он похож. С такими жуткими раскатами, что по телу побежали мурашки. Я замерла.

Вдруг земля у корней дуба вспучилась, потрескалась и разломилась. На поверхность вылезло что-то вроде острого когтя. У меня сами собой сжались

кулаки, взгляд застыл на этом, а в голове пронеслось: «Сейчас что-то будет!» Коготь энергично разгреб землю, из образовавшейся норы выкарабкался зеленый зверь.

Первым делом он отряхнулся, и со сверкающей зеленой чешуи посыпались комья земли. Его удивительно длинный нос с темным кончиком торчал тонким хлыстом. И только глаза – совсем как у человека. При виде этих глаз я невольно содрогнулась: в них жили мысли – как у меня или, скажем, у вас.

Зверь приблизился к дому и постучал в дверь кончиком носа. Сухо раздалось: «Тук, тук-тук»... Тайком, чтобы не привлечь его внимания, я пробралась в дальнюю комнату. Кричать смысла нет: в округе ни души, а муж припозднится. Черным ходом бежать невозможно: в доме всего одна дверь, и в нее стучится отвратительный зеленый зверь. Остается только затаиться и сделать вид, что внутри никого нет: быть может, он смирится и куда-нибудь уйдет. Но зверь не отступал. Он изогнул кончик носа, сунул его в замок и... Замок поддался, слегка щелкнув, дверь приоткрылась, и внутрь неспешно проник нос. Он внимательно изучал комнату – как осматривается, приподняв голову, змея. «Эх, стоять бы сейчас с ножом у двери, да отрубить этот нос по самое основание». На кухне полно острых ножей. Но зверь, словно услышав меня, только хмыкнул:

– Б-б-бес толку все это. – Странно он говорит – похоже, с трудом подбирает слова. – Этот нос – яко хвост я-я-ящерицы: руби не руби, все расти будет. Чем чаще рубишь, тем си-сильнее и длиннее становится. Так что з-з-зазряэто все. – И жуткие глазищи завращались волчками.

Да он читает мысли! Ну, это уж слишком! Никому не позволю рыться у себя в мозгах – тем паче такому непонятному и жуткому зверю. Меня прошиб холодный пот. В самом деле, что он собирается сделать? Сожрать меня? Или утащить с собой под землю? «Хрен редьки не слаще», – подумала я. Хорошо хоть, он не совсем безобразный: не страшно на морду взглянуть. А копи на этих длинных лапах – ничего так, если присмотреться, весьма даже симпатичные. Странно, но он совсем не агрессивен...

– Разум-м-меется! – сказал зверь, выгибая шею. Зеленая чешуя перекатывалась с легким звоном, будто слегка качнули стол, уставленный кофейными чашками. – Н-н-неуж-жто думаете, что я в-в-вас съем? Не-а – не буду! Пошто вы так? Я против вас ничего не имею. Не такой я в-в-варвар!

Ну, точно, он понимает все, о чем я думаю!

– Эй, хозяйюшка! Хозяйка! Я пришел сюда сделать предложение. Понимаете? Я нарочно выполз из глуб-б-бокого подземелья. Не простое это дело: пришлось сполна землицы разгрести. Бона, все когти ободрал! Будь у меня злой умысел, злой умысел, злой умысел, разве б я смог такое сотворить. А сюда пришел, ибо вы мне нравитесь, нравитесь. Я думал о вас в глуб-б-боком подземелье. Но не мог больше выносить и в-в-выполз сюда. Все отговаривали, а мне не терпелось. Собрал всю свою х-х-храбрость, – я знал, вы по думаете: «Ах ты ж зверь такой! Набрался наглости делать мне предложение!»

– А разве не так? Такой нахальный зверь, да еще требует моей любви!

Тут морда зверя помрачнела. Цвет чешуек сразу поменялся на фиолетовый, тело съежилось и стало будто на размер меньше. Я скрестила руки и уставилась на усохшую тушу. Может, его тело меняется с переменой чувств? И под этим безобразным видом кроется легко ранимое сердце, нежное, как свежее пюре? Раз так, у меня есть шанс! «Попробуем еще разок. Но ты же безобразный зверь!» – громко подумала я. Так громко, что в сердце отдалось, точно лаем: «Но ты же безобразный зверь!» Чешуйки тотчас полиловели. Глаза зверя, точно всасывая всю мою неприязнь, расширились, вылезли из орбит, из них ручьями инжирного сока полились слезы.

Страх пропал. Тогда я на пробу представила, как могла, самую жестокую вещь. Мысленно связав зверя, я острым пинцетом по одной ощипала его зеленые чешуйки; потыкала раскаленным докрасна ножом в мягкие персиковые икры; что было сил вонзила обгорелый паяльник в опухшие, как инжир, глаза. Я представляла одну за другой все эти пытки, а зверь горько рыдал, кричал от боли, корчился в муках, словно это происходило с ним на самом деле...Цветные слезы, густая слюна из пасти, из ушей – газ пепельного цвета с запахом роз, ненавистный пристальный взгляд распухших глаз...

– Эй, хозяйка! Прошу вас, ради бога! Не думайте, пожалуйста, о таких зверствах! Умоляю, не п-п-представляйте себе всего этого!.. У меня н-н-не было злого умысла, – добавил он понуро. – Я не делаю ничего плохого. Я просто д-д-думал о вас.

Говори-говори! «Шутка ли – ты вдруг выполз в моем дворе, без спроса открыл дверь, вторгся в дом. Или я тебя приглашала? В конце концов, что хочу, то и думаю». Тем временем в голове поплыли еще более жуткие сцены. Я мучила, кромсала его тело разными механизмами и инструментами, не упуская ни одного издевательства. Я унижала его как могла. «Слушай, зверь! Ты ведь не знаешь, что такое женщина! А раз так, я тебе сколько угодно, сколько угодно всего напридумаю!» Силуэт зверя постепенно расплылся, сам он ссохся, подобно дождевому червю, до своего роскошного зеленого носа. Корчась на полу, зверь зашевелил губами, пытаясь еще что-то сказать мне напоследок. Видимо, что-то очень важное – словно забытую древнюю весть. Однако пасть его скривило гримасой, и он замер, а вскоре рассеялся и пропал вообще. Облик его стал тонкой тенью вечера. В воздухе повисли только выпуклые печальные глаза. «Такие шутки со мной не пройдут! Смотри-смотри, тебя уже ничего не спасет. Ты ничего не можешь сказать. Ты ничего не можешь сделать. Кончено твое существо». Спустя миг и глаза растворились в пустоте. Темнота ночи заполнила беззвучную комнату

Апрель 1991 г.

Молчание

– Господин Одзава, вам когда-нибудь приходилось в драке ударить человека?

Он посмотрел на меня, прищурил глаза, словно увидел перед собой нечто ослепительное:

– Почему вас это интересует?

Не свойственный ему взгляд излучал живые искорки, но спустя мгновение они пропали, и лицо приняло обычное невозмутимое выражение.

– Да так просто, – ответил я. Вопрос действительно не имел никакого смысла. И задал я его – видимо, зря – из праздного любопытства. Тему разговора я сразу же сменил, но Одзава на это не поддался. Было видно, что он все время о чем-то

думал. Казалось, он то ли растерян, то ли чему-то сопротивляется. Мне оставалось лишь бессмысленно рассматривать вереницу серебристых самолетов за окном.

Поводом к вопросу послужил его же рассказ о боксе, заниматься которым Одзава начал с седьмого класса. Мы болтали о пустяках, убивая время перед посадкой, и беседа завязалась как бы сама собой. Тридцать один год. Он по-прежнему раз в неделю тренируется в спортзале. Неизменный победитель студенческих турниров – бывало, его даже включали в национальную команду. Я слушал Одзаву и меня охватывала странная мысль: по своему характеру он несколько не похож на человека, отдавшего боксу почти двадцать лет жизни. А ведь мне не раз случалось работать с ним вместе. Что тут скажешь? Человек как человек: тихий, ненавязчивый. В работе честен и терпелив, с сослуживцами справедлив, при всей своей занятости не то что прикрикнет на окружающих – бровью не поведет. Мне ни разу не доводилось слышать, чтобы он на кого-то жаловался или о ком-то злословил. В общем, Одзава людей к себе располагал. Приятной наружности, нетороплив и спокоен... Я просто не мог себе представить, что привело этого человека в бокс, оттого и задал такой вопрос.

Мы пили кофе в ресторане аэровокзала, собираясь вместе лететь в Ниигату. На дворе – начало декабря. Небо затянуто тяжелыми тучами, будто его плотно закрыли крышкой. В Ниигате с утра свирепствовала пурга, и вылет самолета откладывался с часу на час. В аэровокзале было битком. Громкоговорители все время объявляли о задержке рейса, не позволяя отлучаться уставшим пассажирам. В ресторане топили нещадно, и мне приходилось постоянно вытирать платком пот.

– По большому счету, ни разу, – неожиданно начал Одзава после долгого молчания. – Занявшись боксом, я ни разу никого не ударил. Новичкам крепко-накрепко вбивается в головы: нельзя никого трогать за пределами ринга и без перчаток. Там, где обычный человек может дать сдачи, боксер обязан извиниться и отступить. Силу разрешается применять только к равным себе.

Я кивнул.

– Но если честно, один раз я все же ударил человека, – сказал он. – Мне тогда было четырнадцать. Я только-только начал заниматься боксом. Не сочтите за оправдание, но тогда я еще даже не знал, в чем техника этого вида спорта, и некоторое время выполнял одни упражнения по общефизической подготовке:

прыгал через скакалку, растягивался, бегал... И ударил, совсем не собираясь этого делать. Правда, в тот злополучный момент я был как заведенный, времени на раздумье не оставалось, и рука выскочила непроизвольно – как пружина. Когда пришел в себя, он уже лежал. А меня и после удара продолжало трясти от злости.

Одзава занялся боксом с подачи своего дяди, управлявшего спортивным залом. Причем не каким-нибудь заурядным спортзалом в захолустном городке, а кузницей первоклассных чемпионов. Родители, беспокоясь, что сын вечно сидит у себя в комнате над книгами, предложили ему позаниматься для общего развития спортом. Одзава не собирался посвящать себя боксу, но по-человечески любил дядю и начал беззаботно тренироваться, решив, что бросит это занятие, как только надоест. Но за те несколько месяцев тренировок в дядином спортзале, куда ему приходилось целый час добираться на электричке, искусство бокса на удивление покорило его сердце. И прежде всего потому, что бокс, по своей сути, – спорт молчаливых. К тому же – сугубо индивидуальный. То был совершенно невиданный и немыслимый мир, что без всякой видимой причины овладел им целиком. Запах пота, поскрипывание кожаных перчаток, молчаливое самозабвение людей, быстро и эффективно использующих силу своих мышц, – все это постепенно, но необратимо пленяло его сердце. Теперь уже поездки в спортзал по субботам и воскресеньям стали одним из его немногих увлечений.

– Что привлекло меня в боксе? Ощущение его глубины. Кажется, меня покорила именно эта глубина, по сравнению с которой совершенно не важно: бьешь ты или тебя. Победа или поражение – лишь банальный результат. Бывает, люди побеждают, бывает, и проигрывают. Но если постигнуть такую вот глубину проигрыш уже не страшен. Ведь человек не может оставаться непобедимым, он рано или поздно непременно потерпит поражение. И очень важно понять эту самую глубину, в которой и заключается – по крайней мере, для меня – бокс. Иногда, стоя на ринге в перчатках, я ощущаю себя словно в глубоком колодце – таком глубоком, что не видно никого, даже меня самого. И там, на дне этого колодца, я веду бой с тенью. Мне одиноко, но нисколько не печально. Говоря «одиночество», мы даже не подозреваем, что существуют разные виды одиночества. Бывает до горечи грустное, кромсающее нервы, но бывает и иное. И чтобы его достигнуть, нужно изо всех сил шлифовать свое тело. Без труда, как говорится, не вытащишь и рыбку из пруда. Это – одна из тех истин, что я постиг благодаря боксу.

Одзава с полминуты помолчал.

Я посмотрел на часы. Времени у нас хоть отбавляй.

– По правде, не хотелось беречь прошлое. Было бы в моих силах, забыл и больше не вспоминал бы никогда, – сказал он и, улыбнувшись, неспешно начал свой рассказ.

* * *

Одзава ударил своего одноклассника по фамилии Аоки. Одзава на дух не переносил этого человека. Почему – он и сам не знал. Это чувство просто возникло с самой первой их встречи, тут уж ничего не поделаешь. Причем возникло настолько откровенно впервые в его жизни.

– Как думаете, такое бывает? – спросил он. – Пожалуй, у каждого в жизни хотя бы раз нечто подобное происходит: начинаешь ненавидеть человека без всякой на то причины. Я не считаю, что склонен к ненависти. И все же нашелся один такой и на мою долю. Беспричинно. Вся беда в том, что противоположная сторона, как правило, испытывает те же чувства.

Аоки считался прилежным учеником почти по всем предметам. Мы учились в мужской школе, и он пользовался успехом. Для учеников был вожаком, для учителей – любимчиком. Несмотря на успехи в учебе, он не зазнавался, со многими дружил, был веселым. Даже порядочность в нем какая-то была... Но я с самого начала терпеть его не мог, я словно видел его насквозь: словно у него на лбу высвечивался какой-то интуитивный расчет. Я не могу ответить, что конкретно имею в виду, потому что не могу привести подходящего примера. Могу лишь сказать, что понял это. Я инстинктивно не переваривал душок эгоизма и гордыни, что исходил от него. Так не можешь выносить чей-то запах тела. Аоки был умным парнем и умело этот запах скрывал. Не ощущая его, многие одноклассники говорили: «А он – четкий малый!..» Естественно, я в ответ помалкивал, но после каждой такой фразы мне становилось как-то не по себе.

Аоки и я были совершенно противоположными личностями. Я считал себя молчуном и тихоней, потому что не любил выделяться на общем фоне и мог без особого труда переносить одиночество. Естественно, у меня было несколько

приятелей, которых, пожалуй, можно назвать товарищами, но не более того. В каком-то смысле я был не по годам развитым подростком. Чем иметь дело со сверстниками, мне было намного интересней читать дома книги, слушать отцовские пластинки с классикой, общаться со старшими товарищами по секции. Как видите, и внешности я не привлекательной. Оценки в школе были не то чтобы плохие, но и не особо хорошие, и учителя часто забывали мое имя. Вот таким я был и при этом нисколько не пытался выпячивать себя. Никому не говорил о занятиях боксом, никому не рассказывал о прочитанных книгах, прослушанной музыке.

В сравнении со мной Аоки казался белым лебедем посреди болота. Не скрою, умная голова – это даже я не могу не признать – и соображал быстро. На лету схватывал, что интересуется людей, о чем они думают, и умело подстраивал свое поведение под общение с ними. Тем и заставлял всех восхищаться: мол, Аоки – классный парень! Но только не меня. Мне он казался мелкой душонкой. Иногда я размышлял: да и ладно, что я не такой умный. Допустим, у него все легко выходит – как саблей рубит. Зато у этого человека нет ничего своего. Ему нечего противопоставить людям. Ему достаточно лишь того, чтобы его признали окружающие. Этакого самоуспокоения от собственной находчивости. Он просто держит нос по ветру, но об этом никто не догадывается – за исключением разве что меня.

Думаю, Аоки понимал мое отношение – он был малым расчетливым. И, казалось, испытывал ко мне определенное отвращение. Я же не дурак; ничего особенного собой не представляю, но и не дурак. Не примите за хвастовство, но в те годы у меня был собственный мир. Пожалуй, никто в классе не читал больше меня. Я был молод, старался скрывать этот мир от окружающих, но, случалось, непроизвольно задирал нос и смотрел на одноклассников свысока. И, думаю, мое самомнение задевало Аоки.

Однажды я получил самый высокий в классе балл на контрольной по английскому. Со мной такое произошло впервые, но не случайно. В то время я очень хотел заполучить какую-то вещь – сейчас, правда, никакие вспомню какую, – и мне пообещали ее купить, если результат хотя бы одной контрольной окажется лучшим в классе. Остановив свой выбор на английском, я последовательно изучал язык, проверял все, что может попасться мне на контрольной, в любую свободную минуту повторял спряжения глаголов, до дыр перечитывал учебники – так, что помнил все наизусть. Поэтому я нисколько не удивился, получив самый высокий в классе балл, близкий к максимальным ста.

Мне это показалось само собой разумеющимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/haruki-murakami/prizraki-leksingtona/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Боб Уайнсток (р. 1929) – основатель фирмы звукозаписи «Престиж рекордз», дистрибьютор джазовых пластинок. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Сэйдзи Одзава (р. 1935) – всемирно известный дирижер, более тридцати лет возглавлявший Бостонский симфонический оркестр.

3

Клод Моне (1840–1926) – французский художник-импрессионист.

4

Ли Кониц (р. 1927) – американский джазовый альт-саксофонист стиля «кул».

5

Мне очень жаль (англ.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/haruki-murakami/prizraki-leksingtona-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)